

Обычно Хо Цзюньсяо был высоким и молчаливым, его темная фигура всегда излучала подавляющую ауру. Даже когда он просто стоял, казалось, что это человек необычайной силы и величия, к которому лучше не подходить. Каждое мгновение напоминало, что это не тот, с кем стоит связываться.

Но сейчас перед ним стоял человек с более живым выражением лица, однако эта живость скрывала за собой некую отрешенность и мертвенность. Он был гораздо ближе к окружающим их пустоглазым призракам.

Бай Кэ интуитивно почувствовал, что этот Хо Цзюньсяо был подделкой — возможно, один из этих призраков принял его облик, или же это был плод его собственного воображения, вызванный чрезвычайно сильным желанием спастись. В конце концов, эта «Ледяная Душа», похоже, имела свойство усиливать сознание и проявлять его в другой форме, как, например, холод, который чуть не заморозил его насмерть.

Но если это был призрак, зачем ему спасать его, не имея никакой связи? Очевидно, окружающие призраки скорее хотели его поглотить.

Если же это было плодом его воображения, то это было еще более странно — как воображаемый человек мог спасти его в опасной ситуации? Тогда в будущем, столкнувшись с проблемами, достаточно было просто подумать о Хо Цзюньсяо, и спасение было бы гарантировано. Разве это не звучало слишком невероятно? Даже если «Ледяная Душа» была необычной, она не могла быть настолько могущественной.

На его полувысказанные вопросы «Хо Цзюньсяо» открыл рот, но не произнес ни звука.

Бай Кэ, наблюдая за его губами, понял, что он не отвечает на его вопросы. Он произнес всего два слова, и, судя по губам, это было что-то вроде «Учитель».

В обычное время Бай Кэ бы почувствовал головную боль, услышав, как Цзюньсяо упоминает это. Ведь он не знал всей предыстории, и быть объектом такого уважения со стороны человека, намного превосходящего его, было неловко и вызывало чувство давления. Но сейчас он не чувствовал такого дискомфорта.

Эта «Ледяная Душа», вероятно, имела слишком странное энергетическое поле, из-за чего он сам стал вести себя не так, как обычно.

Ему даже показалось, что эта сцена ему знакома, будто он уже видел что-то подобное —

Как будто снова вокруг него сгрудились бесчисленные призраки, а этот высокий мужчина с гордым лицом стоял перед ним, его выражение смешивало печаль и радость...

В этот момент в голове Бай Кэ что-то начало бурлить, но острая боль, словно укол иглой, подавила это ощущение.

Он снова вздрогнул.

«Хо Цзюньсяо», стоявший на коленях, с тревогой протянул руку, будто хотел обнять его, но затем, видимо, счел это слишком фамильярным, и в итоге его прозрачные руки легли на плечо и лоб Бай Кэ.

Несильный поток тепла снова проник в его тело, смягчая боль.

Бай Кэ вздохнул, и в его сердце вдруг возникло чувство легкой иронии.

Всего два дня назад он считал, что, кроме врожденного дефекта зрения и немного хрупкого телосложения, он не уступает другим в физической силе. Более того, из-за необходимости заботиться о Бай Цзюньсяо, его выносливость и способность переносить травмы были выше, чем у большинства. Но за эти два дня, переживая постоянные обмороки и боль, он едва не пересмотрел свои представления о себе за последние восемнадцать лет, сравнивая себя с хрупкой Линь Дайюй.

Немного оправившись, Бай Кэ сел. «Хо Цзюньсяо» помог ему встать, поддерживая, но затем, колеблясь, убрал руки, с выражением легкой грусти.

Бай Кэ с недоумением посмотрел на него, и тот, помахав рукой, указал в определенном направлении, беззвучно сказав:

— Быстрее уходи отсюда.

Почему-то, общаясь с этим «Цзюньсяо», Бай Кэ не чувствовал обычного давления, он был расслаблен. Поскольку внутри него циркулировала энергия, ему стало не так холодно, и он не спешил уходить, спросив:

— Почему ты хочешь, чтобы я ушел? Что это за место? Глава секты Хэнтянь сказал, что это пруд Саньцин, который может исцелить мои глаза.

«Хо Цзюньсяо» нахмурился, будто не понимая, и снова помахал рукой, упрямо указывая в том же направлении, чтобы Бай Кэ уходил.

Бай Кэ, еще больше запутавшись, решил задать другой вопрос:

— Ты действительно Хо Цзюньсяо?

«Хо Цзюньсяо» кивнул, но затем снова покачал головой.

— ...

Совершенно невозможно понять.

«Хо Цзюньсяо», видя его замешательство, на этот раз не стал шутить, а уверенно покачал головой, опустив глаза, беззвучно сказав:

— Нет.

— Тогда кто ты —

Бай Кэ хотел продолжить, но «Хо Цзюньсяо» вдруг посмотрел в темное небо, будто что-то увидел, и снова помахал рукой, беззвучно произнеся:

— Быстрее уходи, время почти на исходе, уходи отсюда!

Сказав это, он взмахнул рукавом, и Бай Кэ почувствовал, как его зрение затуманилось, тело стало легким, и он взлетел в воздух.

Когда он снова встал на ноги, он оказался у скалы, а в левой руке держал «жемчужину ночного сияния», которая, видимо, упала на «Ледяную Душу».

— ...

Почему-то он почувствовал, что его выставили за дверь.

Сжимая в руке жемчужину, все еще излучающую мягкий свет, он, преодолевая слабость, поднялся по пологому склону, дошел до вершины и остановился, глядя вдаль на «Ледяную Душу».

Но теперь бесчисленные призраки исчезли, и тот загадочный «Хо Цзюньсяо», который был то ли человеком, то ли призраком, тоже пропал. Слишком странная сцена и не совсем ясное сознание заставили Бай Кэ почувствовать, будто он лежал на «Ледяной Душе» и видел странный сон в полусне.

Если пруд Саньцин действительно, как он предполагал, лишает человека всех чувств, оставляя только сознание, и все мысли и чувства усиливаются и материализуются...

То что из пережитого было реальным, а что — вымыслом? Или же это смесь реальности и иллюзии? Какая часть была правдой, а какая — нет?

Бай Кэ сделал шаг вперед, но затем остановился, колеблясь, и в конце концов повернул обратно, пошел по дороге, по которой пришел.

Жемчужина в его руке освещала только несколько метров впереди, как и его жизнь — каждый шаг вперед открывал лишь небольшой отрезок пути.

Перед тем как войти в пруд Саньцин, Бай Кэ знал только, что в течение следующих нескольких дней он должен тренироваться с Цзюньсяо, укрепить основы и извлечь пилюлю Семи Звезд из своего тела. Что будет дальше, он не представлял.

Но после этих испытаний и боли он решил, что даже после извлечения пилюли он продолжит совершенствоваться, пока не достигнет успеха, чтобы в мире, где переплетаются обычное и необычное, найти безопасное место для себя, своих близких и друзей.

С этим решением его душа стала легче, и шаги стали более уверенными. Очертания скал по бокам стали четче, а скользкая каменная дорога обрела ясные очертания, как будто путь становился все более ясным.

Когда Бай Кэ, держа «жемчужину ночного сияния», вышел за ворота, покрытые тонкой дымкой запретного заклęcia, он оглянулся на пейзаж, скрытый заклинанием «отвода глаз», и не смог сдержать усмешки.

В этой усмешке было слишком много эмоций.

Какими бы ни были намерения главы секты Хэнтянь — помочь Бай Кэ вылечить глаза или скрывать злые умыслы — в итоге это принесло Бай Кэ пользу. Он вошел с легким сердцем, но путь становился все глубже, темнее, полным опасностей, где он ломал кости, проливал кровь, пока не оказался на грани смерти, а затем нашел свет, и путь стал яснее, шире, пока не открылся полностью.

Возможно, это была траектория, которой следовали он или многие другие.

Но Бай Кэ стремился к большему, чем обычные люди, а значит, и испытаний, где он ломал кости и проливал кровь, у него будет больше.

Глядя на умиротворенный пейзаж за воротами, скрытый заклинанием, он вспомнил Хо Цзюньсяо, его обычный вид, когда он, казалось, мог управлять ветром и дождем, и его прозрачный, почти нереальный облик в пруду Саньцин...

Такой человек, вероятно, пережил столько переломов и кровопролитий, что это трудно представить...

С этой мыслью в сердце Бай Кэ просочилась легкая грусть.

<http://bllate.org/book/16844/1549992>